

Дынник В. Абзац // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – 2007. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/l1/l1-0011.htm>.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М., 1988.

Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. – Ростов н/Д, 2003.

Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Ученые записки МГУ. – М., 1948.

Светозарова Н.Д. Фраза // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.

Урысон Е.В. Союзы А и НО и фигура говорящего // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6.

Шевякова В.Е. Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.

Cain M. J. The Root of His Evil. – СПб., 2003.

Elhadad M., McKeown K. Generating Connectives. // Published in Proceedings of COLING 90 Helsinki, Finland, 1990. – Mode of access: <http://www.cs.bgu.ac.il/~elhadad/papers/coling90.pdf>.

Galsworthy J. The Broken Boot. – М., 2006.

Mansfield K. A Cup of Tea. – М., 2006.

Maugham W.S. Theatre. – М., 2002.

Mitra R.N. A Very Insipid Passion. – М., 2002.

© Пастустьян Е.В., 2010

**Д.С. Соломенна
Екатеринбург**

Ситуация шитья в зеркале дериватов глагола *шить*

Ключевые слова: этимологический анализ, этимологическое гнездо, дериват.

Эта статья посвящена рассмотрению ситуации шитья в зеркале дериватов глагола *шить*. Она основана на материале сло-

варей современного русского языка (литературный язык, диалект, жаргон) и на данных исторических словарей.⁴

Проблемами этимолого-словообразовательных гнезд занимались многие ученые [см. Толстая 2008; Варбот 2008], которые отмечали, что при такого рода исследованиях нужно учитывать не только словообразовательные связи, но и диахронные преобразования гнезд, а также семантические отношения. Ж.Ж. Варбот говорила о возможности «преобразования некой части словообразовательных связей в этимологические» [Варбот 2008: 85], а «постепенность этого процесса обеспечивает преемственность основных структурных и семантических характеристик» [Варбот 2008: 85], о чем свидетельствует воспроизведение словообразовательных моделей и семантических производных на разных хронологических уровнях. При анализе этимологического гнезда необходим комплексный подход.

Рукоделие, а в частности изготовление одежды, обуви и других изделий бытового хозяйствования, всегда являлось важной частью народной культуры с незапамятных времен. В этой статье рассмотрены производные, которые отражают различные компоненты ситуации шитья.

Само действие

Процесс шитья в сознании русского человека характеризуется множеством признаков, которые важны для носителей языка, а следовательно, эти признаки отражаются в семантике производных слов.

Сам процесс соединения, скрепления «ниткой с помощью иглы краев ткани, кожи и т.п. при изготовлении одежды, обуви и т.п.» может передаваться не только лексемой *шить*, но и такими глаголами, как *швóрить*, *швéйничать*, *шивáть*, *вшивáть*, *сшивáть* и т.д.

Среди производных, с точки зрения семантики, можно выделить несколько противонаправленных действий. Так, в данной группе представлено три вида шитья: 1) прикрепление чего-либо сверху (*вшивать*, *нашивать*); 2) прикрепление чего-либо с

⁴ В связи с тем, что в результате работы со словарями выстроилась целостная картина, нет смысла делать ссылки на те или иные источники расположения материала.

внутренней стороны (*нашивать, подшивать*); 3) вшивание чего-либо внутрь, вставка во что-либо (*вшивать, зашивать, шить в прощву*).

Выделяется три группы слов, обозначающих разные этапы шитья.

Первый этап – это начало работы: *заши́ть* – «начать шить».

Второй этап – это работа, длящаяся некоторое время: *пошива́ть* – «шить исподволь, понемногу, изредка», *поши́ть* – «шить некоторое время», *поши́ться* – «пошить некоторое время», *прошива́ть* – «шить в течение какого-либо времени».

Третий этап – это окончание работы: *отшива́ть* – «кончить, перестать шить», *сшить* – «кончить шитье», *отшива́ть* – «оканчивать шитье чего-либо; шить до конца».

С категорией времени тесно связана категория результата, также нашедшая свое выражение в семантике производных. Все дериваты данного гнезда, относящиеся к этой группе, можно условно разделить на две группы: те, что означают просто длящиеся действия и значения которых не содержат указания на какой-либо в конце концов достигнутый результат, и те, в семантике которых содержится сема результативности. К последней группе относятся, например, такие лексемы, как: *заши́ть* – «сшить все необходимое для кого-нибудь, обшить», *перешива́ть* – «сшить много, наработать шитьем», *поприши́ть* – «сшить, нашить».

Несмотря на то, что семантика соединения, безусловно, является наиболее значимой для дериватов этого этимологословообразовательного гнезда, изготовление предметов одежды и обуви все же – сложный и кропотливый процесс, который не ограничивается простым соединением краев ткани, и поэтому он распадается на ряд отдельных действий. В целом ряде производных происходит детализация основного значения и привнесение в него дополнительных смыслов.

Процесс украшения изделия узорами, вышивкой и т.д. – значение, которое отражается, например, в лексемах: *выше́ивать, вышива́ние, вышива́ть, выше́ивливать, исшива́ть* и др.

В значениях производных реализуется дополнительный оттенок семантики, который заключается в эстетическом восприятии результатов процесса – то, что расшито, украшено узорами, вышивкой, всегда оценивается людьми с точки зрения красоты и искусности, то есть шитье – это не только процесс, играющий важную

роль в жизни человека, но и действие, в котором он может выразить свое «я», продемонстрировать свой талант, как в любом другом ремесле, требующем искусных умений.

Субъект действия

Все слова этой семантической группы делятся на две подгруппы: к первой из них мы отнесем слова, называющие человека (преимущественно мужчину), занимающегося изготовлением обуви, а ко второй – слова, называющие человека, занимающегося шитьем.

Человека, занимающегося изготовлением обуви, или попросту сапожника, в русском национальном языке называют по-разному. Наиболее частотный вариант – *швец*, также встречаются такие наименования, как *шильник*, *шваль*, *вишвник*. Слова этой группы тесно связаны с группой слов, обозначающих инструменты, которые использует сапожник. (Основными его инструментами являются *шило* и *швэц* (грубая щетина, используемая вместо иглы)).

Человека, занимающего шитьем (чаще женщину), именуют *шитницей*, *швечихой*, *швейней*, *швейхой*, *швейницей*, *швачкой*, *швальной*, *швечкой* и т.д. Номинаций мужчин, занимающихся этим ремеслом, сравнительно меньше, но они есть: *швэц*, *швейник*, *шваль*, *шитик*, *пошивщик*.

При номинации учитывается и такой аспект, как профессиональность работника, занимается он шитьем как работой или шьет как любитель это делать: *швей* – «женщина, профессионально занимающаяся шитьем», *шитница* – «кто любит и умеет шить» и др.

Также учитывается, заказывают ли ей вещи или приглашают ее к себе для шитья приданого: *швейница* – «работник швейной промышленности», *шитница* – «работница, приглашаемая для шитья приданого» и др.

Разнообразие названий может говорить о том, что портниха или портной, швея или швец ранее играли большую роль в жизни общества, нежели теперь. Раньше было важно, какой именно человек изготавливает одежду, а теперь люди не интересуются тем, кто шьет, и главным становится марка (если не говорить о дизайнерской одежде, где, по сути, имя портного выполняет функцию этой самой марки).

Место действия

Данная группа в современном русском литературном языке представлена только словосочетаниями *швейная мастерская*, *швейная фабрика*. В народных говорах русского языка сохраняются такие названия этой реалии как *швальныйя*, *швальная*, *швэйня*, *вышивальня*, *ошивальня* и др. Сохранение номинации одним словом указывает на то, что в современном мире изменились отношения между производителем и заказчиком. Прежде люди были заинтересованы в том, где шьют одежду и изготавливают обувь (*швальня* не только швейная мастерская, но и мастерская по ремонту и пошиву обуви), теперь людей интересует не конкретное место, где изготавливают одежду и обувь, а скорее роль швальни теперь выполняет страна-производитель.

Инструмент/приспособление

В этой группе можно выделить несколько более мелких подгрупп.

Во-первых, это **сам инструмент**, игла, которая бывает нескольких видов. Прежде всего это *шило* – «инструмент для прокалывания отверстий в виде заостренного металлического стержня, насаженного на рукоятку (употребляется обычно в сапожном, шорном деле)» и его производные с тем же значением (*шилце*, *шилё*, *шилье-копылье* и т.д.)

В настоящее время само *шило* деэтимологизировалось и не воспринимается как инструмент, предназначенный для шитья, скорее, как инструмент для прокалывания жестких поверхностей. Сам же инструмент, с помощью которого шьют, называется теперь *швейной иглой* или просто *иглой*. Очевидно, это связано с тем, что изменилась технология шитья: исходя из семантики слова *шило*, мы можем предполагать, что ранее при шитье сначала прокалывали отверстия, а затем (возможно, без инструмента) продевали в них нить. Изобретение иглы, позволяющей совместить эти два действия, потребовало новой номинации, чем *шило*. Сама семантика слова *игла* «инструмент для шитья» вторична, см. [Фасмер т. 2: 115].

Во-вторых, в этой группе выделяется подгруппа, обозначающая «**приспособление для шитья, пальцы**». Сюда относятся такие слова, как *швэйка*, *швэйка* и др.

В-третьих, особую подгруппу составляют слова, называющие некий **инструмент для ручной работы швей, в виде прялки**. Это

такие лексемы, как: *шв́алка, прише́вка* и др. В современном русском литературном языке эти лексемы не представлены совсем.

И наконец, в-четвертых, выделяется небольшая группа слов, обозначающих *швейную машинку*. Это слова *швэйка, швэйта* и словосочетание *шйтная машинка*.

Если говорить в целом о содержании этой группы, то следует отметить, что многие лексемы в современном русском литературном языке изменили свое значение или вообще не представлены. Это вызвано экстралингвистическими причинами: с техническим прогрессом не только появились новые реалии, но и исчезли многие старые.

Место хранения инструментов и приспособлений

В современном русском языке кроме *шкатулки, баночки, ящичка, игольницы* и т.п., пожалуй, и нет никаких слов, обозначающих место для хранения швейных принадлежностей, но в диалектах ситуация другая: *нашйльник, шв́альня, шйловый, шйльница, швэйка, шитвянка, шйтница* – все это слова, номинирующие место хранения инструментов и приспособлений для шитья. Вновь сталкиваемся с ситуацией, когда лексемы полностью не представлены в литературном языке. Все эти слова обозначают место для разных инструментов и сами по себе являются разными. Например, *нашйльник* – «чехол, футлярчик для шила», *шв́альня* – «коробочка, шкатулка для ниток, иголок и т.д.», *швэйка* – «подушка в виде куклы, набитой тряпьем для втыкания иголок, свидетельство, что невеста мастерица».

Результат действия

Непосредственным простым результатом действия выступает *шов* (< *шев*). Это слово наиболее устойчиво как в семантическом, так и в словообразовательном планах. *Шóв* как «место соединения частей чего-либо», «сшитых кусков ткани, кожи и т.д.» сохраняет и в настоящем литературном языке свое архаичное значение.

Сложным результатом действия выступает в данной ситуации *шитьё* «изделие, вещь, которая шьется, сшито или вышивается, вышито». Семантика многих дериватов этого этимологословообразовательного гнезда конкретизирует значение *шитья* как «изделия, вещи, которая шьется...», указывая на то, что именно шьется: например, *выше́вка* – «вышивка», *нашевни* –

«сапоги с нашвами», *обшивки* – «нашивки из холста на шерстяных варежках», *пошив* – «новые наряды, платья» и проч.

И одно слово *недошитки* («недошитые вещи») обозначает незаконченность изделия, то есть, наоборот, показывает отсутствие результата.

Материал

То, из чего шьют одежду, обувь, называется по самому материалу. Например, если шьют платье из шелка, то и материалом соответственно будет шелк. Для носителя современного русского языка это совершенно естественно, но в истории русского языка мы сталкиваемся с таким словом, как *шэвня* («два полотнища меховых, на шубу, или нужное на это число шкурок» Даль). В этом случае ясно, что материал, а именно мех, назван не *мехом*, а производным словом от того действия, которое будет производиться над этим материалом.

Так, все дериваты (приставочные и бесприставочные) следуют этой модели, например: *вшивка* – «вшитый во что-нибудь кусок ткани», *нашвы* – «передние части сапог (обычно пришитые головки)», *нашивка* – «лента, тесьма, полоска ткани и т.п., нашиваемая на сарафан на уровне колена», *обшивка* – «то, чем обшивают что-либо; кайма, оторочка» и проч.

Следует подчеркнуть неразрывную связь групп «материал» и «результат»: в обеих группах можно говорить о высокой степени детализированности значений, а также соотнесенность с самим действием.

Каждое действие, несущее дополнительный смысл или новое, более конкретизированное значение, имеет не только свое особое название, но и своего субъекта, свой результат и материал, а это говорит о том, что процесс шитья становится общественным производством: происходит разделение труда и соответственно возникает необходимость в конкретизации, уточнении ранее созданных номинаций.

Вместе с тем видно, что у проанализированных производных отсутствуют категории скорости, тяжести/легкости, престижности выполняемого действия. Можно предположить, что эти аспекты не имели существенного значения, и при номинировании они не входили в лексическое значение слов.

Эти компоненты релевантны для всех данных в целом: и для диалектных данных, и для древнерусского языка. Однако в современном литературном языке картина другая. Как мы видим, в нем

представлены только следующие категории: само действие, его результат и субъект действия.

Языковая ситуация нестабильна и изменчива. Словарный состав группы производных в современном литературном языке значительно уже, чем он представлен в исторических словарях и диалектах. Это вызвано экстралингвистическими причинами. Отсюда следует, что изменилась сама ситуация шитья: индивидуальный ручной труд заменился машинным, механизированным производством, отношения между производителем и потребителем потеряли ценность, теперь это рыночные отношения между продавцом и покупателем.

Литература

Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. – М., 2008.

Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М., 2008.

Фасмер М. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 1–4. – М., 1964–1973.

© Соломеина Д.С., 2010

А.А. Соснина
Екатеринбург

Русская языковая картина мира: ключевая идея общности

Ключевые слова: языковая картина мира, ключевая идея, «наивный» взгляд на мир.

Идея о *языковой картине мира* (далее ЯКМ) впервые появляется в работах Вильгельма фон Гумбольдта, который обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, заметив, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 324], каждый отдельный языковой коллектив, таким образом, обладает определенным национальным характером и сознанием.